

В свете изложенного наблюдения выглядит более вероятным использование в *ПВЛ Истории* Льва Диакона или какого-то текста, сходно рассказывающего о походах Святослава.

- 1 Толочко А.П. Золотой Рог — Соудь — Босфор. *Ruthenica* (11, 2012), 157–162.
- 2 Толочко А.П. Золотой Рог — Соудь — Босфор, 160.
- 3 Автор *ПВЛ* мог, конечно, использовать не собственно *Историю*, а некий близкий к ней текст, повествовавший о балканских походах Святослава.
- 4 Лев Диакон. *История*. М., 1988, 44. Ср.: *Corpus scriptorium historiae Byzantinae*. Pars XI. Leo Diaconus (Bonn, 1828), 78–79.
- 5 Лев Диакон. *История*, 189.

Вадим Аристов

В каком году родился и сколько раз женился старший сын Мстислава Великого?

Вынесенные нами в заглавие настоящей заметки вопросы возникли в недавнее время в аналогичной последовательности и как бы независимо друг от друга. Впрочем, если бы первый из них был решен правильно, не возник бы и вопрос второй, точнее говоря, связанный с ним источниковедческий фантом, о котором речь пойдет ниже. Но обо всем по порядку.

Итак, вопрос № 1 возник «самым конкретным образом» в связи с попыткой А.В. Назаренко более или менее точно датировать чудесное исцеление Мстислава Великого от полученной им на «медвежьей» охоте раны. Информация об этом событии сохранилась в двух немецких латиноязычных источниках — *Книге св. Пантелеймона* XII–XIII вв. и фрагменте проповеди настоятеля монастыря в Дойце близ Кельна Руперта, известного церковного писателя первой пол. XII в.¹

Выражаясь шахматным языком, можно сказать, что многофигурная и многоходовая реконструкционная комбинация А.В. Назаренко позволила ему очертить хронологические границы для происшествия на охоте и чудесного исцеления Мстислава диапазоном 1091/2–1098/9 гг.² А поскольку в качестве одной из исходных установок исследователем постулировался тот факт, что происшествие должно было случиться уже после появления на свет Всеволода — старшего сына Мстислава³, то и предполагаемый год его рождения⁴ оказывался примерно в тех же хронологических рамках.

Проверять корректность данной комбинации в целом и в отдельных ее звеньях взялся В.А. Кучкин. В интересующей нас части им было отмечено, что вообще-то у Мстислава Великого было много дочерей, а в первом браке его с Христиной Шведской

их родилось по меньшей мере пять... Характерно, однако, что дочери Мстислава упоминаются в источниках раньше его сыновей. Так, неизвестная по имени дочь

Мстислава 29 июня 1112 г. была выдана замуж за владими́ро-во́лынского князя Ярослава Святополковича. Мальфрида Мстиславна около 1116 г. стала женой норвежского короля Сигурда I... Сыновья Мстислава на страницах летописей встречаются позднее. Так, старший сын Мстислава Всеволод впервые упоминается в 1117 г.⁵

А поэтому вывод сводился к тому, что «старшие дети Мстислава Великого, по меньшей мере две дочери и сын Всеволод, родились не ранее второй половины 90-х гг. XI в.»⁶. Ниже мы сможем удостовериться в правильности выбранного В.А. Кучкиным условия «не ранее».

Ответный «ход» В.А. Назаренко был опубликован в монографии «Древняя Русь на международных путях» и заключался в минимальном учете замечаний коллеги:

Мы готовы согласиться с хронологическими оценками, представленными В.А. Кучкиным, из которых вытекает, что старшие дети от первого брака Мстислава появились на свет не ранее второй половины 1090-х гг. [...] Они несколько не противоречат нашим расчетам, а только заставляют ранней датировке женитьбы Мстислава на Христине 1091 – началом 1095 г., т.е. периодом первого новгородского княжения старшего Мономашича, предпочесть более позднюю — 1096 г. [...] В результате картина вырисовывается с максимальной определенностью. В 1097 г. у Мстислава родился первенец — Всеволод-Гавриил; в том же году произошел случай, описанный Рупертом⁷.

Однако же ключевой момент приведенных нами выкладок В.А. Кучкина заключался в том, что старшими детьми Мстислава Владимировича и Христины, скорее всего, были две дочери, а не сын Всеволод, но учитывать это А.В. Назаренко был не готов.

Что же касается второго из вынесенных в заголовок вопросов, то для лучшего понимания причин, его породивших, мы приводим следующую выборку фрагментов из *Новгородской первой летописи старшего извода*, нумеруя их для дальнейшего удобства:

1. Из статьи 1103 г.: «Въ лѣто 6611 [...] Въ то же лѣто заложиша церковь Благовѣщение Мъстислав князь на Городищи»;

2. Из статьи 1106 г.: «Въ лѣто 6614 [...] Въ то же лѣто пострижесе Святоша князь, сынъ Давыдовъ, Църниговъ, тьсть Всѣволожь»;

3. Статья 1122 г.: «Прѣставися Мъстиславля Хръстина. Томъ же лѣтѣ оженися Мъстиславъ Киевѣ, поя Дмитровьну Новѣгородѣ Завидиця»;

4. Из статьи 1123 г.: «Оженися Всѣволодь, сынъ Мъстиславль, Новѣгородѣ»;

5. Из статьи 1127 г.: «Заложи церковь камяну святого Иоанна Всѣволодь Новѣгородѣ, на Петрятинѣ дворѣ, въ имя сына своего»⁸.

Нам представляется правильным начать комментарий не с п. 1, а с п. 2. Ибо еще в 1908 г. в знаменитых «Разысканиях» А.А. Шахматов дал исчерпывающее истолкование относительно личности Всеволода, бывшего зятем

князя Святослава Давыдовича, больше известного под именем печерского монаха Николы-Святоши из *Киево-Печерского патерика*⁹.

Шахматов отметил: «Под Всеволодом разумеется здесь Всеволод Мстиславич, бывший князем новгородским в течение около двадцати лет (1117–1136). Кому, как не новгородцу, могло прийти на мысль определить Святошу как тестя Всеволожа?»¹⁰. При этом, правда, он воздержался от объяснения того факта, что сам брак Всеволода Мстиславаича летопись датирует 1123-м г., то есть 17 лет спустя после того, как в ней же он определяется в качестве зятя Николы-Святоши.

Переходя теперь к п. 1, отметим, что относительно подоплеку описанного тут события в науке сложилось мнение о том, что в 1103 г. Благовещенская церковь была основана в Новгороде Мстиславом Великим по случаю рождения его старшего сына Всеволода-Гавриила. Об этом писали: В.Л. Янин в 1970 г., М.Ф. Мурьянов в 1972 г., А.В. Назаренко в 2001 г.¹¹, А.Ф. Литвина и Ф.Б. Успенский в 2006 г.¹² Однако еще одним связующим для этого консенсуса моментом было то, что для всех названных исследователей отраженное в статье 1103 г. *НПЛ* событие, скажем так, не имело жесткой, то есть самой непосредственной связи с годом рождения Всеволода Мстиславича. Для них, за исключением А.В. Назаренко, он остается неизвестен, а в «системе координат» последнего получается, что Благовещенская церковь была основана «в честь рождения»¹³ Всеволода через 6 лет после его гипотетического появления на свет в 1097 г.

Такое понимание ситуации и привело в конце-концов к возникновению вопроса №2, точнее говоря, поначалу к гипотезе о том, что упомянутый в статье 1123 г. *НПЛ* (п. 4) брак Всеволода Мстиславича был заключен им с дочерью новгородского боярина Петрилы Микульчича, который посадничал здесь в 1130–1134 гг., а в январе 1135 г. погиб в бою с суздальцами¹⁴. Одним из оснований для этой гипотезы стал тот факт, что статья 1127 г. *НПЛ* сообщает о заложении Всеволодом патрональной церкви для своего сына Иоанна «на Петрятинъ дворъ» (п. 5), хотя тут сам по себе возникает вопрос о том, является ли «Петрята» данной статьи одним лицом с Петрилой Микульчичем (подробности ниже). Одновременно и независимо друг от друга эту гипотезу в 2003 г. сформулировали В.Л. Янин¹⁵ и Т.В. Круглова, естественно ее обусловившая второбрачием Всеволода¹⁶.

В 2006 г. в монографии А.Ф. Литвиной и Ф.Б. Успенского, посвященной теории и практике выбора имени в княжеских семьях X–XVI вв., была предпринята попытка осмысления п. 1, п. 2 и п. 4 представленной нами выборки из *НПЛ старшего извода*, выполненная в жанре источниковедческих размышлений. С одной стороны, возможность рождения Всеволода Мстиславича в 1103 г. здесь как бы отрицалась соображением о том, что «наиболее очевидное прочтение» п. 2

заключается в том, что брак между Всеволодом-Гавриилом и дочерью Николы-Святоши к 1106 г. был уже заключен. Едва ли Всеволоду к моменту свадьбы было два-три года от роду... Строительство же церкви в честь патронального святого княжича могло быть связано с самыми различными событиями в жизни семьи Мстислава Великого. Не исключено, в частности, что закладка церкви была приурочена к сватовству и планируемой свадьбе юного княжича¹⁷.

Еще одно мотивационное соображение оказалось таким:

Более вероятным представляется, что Никола-Святоша, принимая постриг, сознательно и добровольно уладил предварительно свои мирские дела и выдал дочь замуж. Возможно, именно близящимся уходом тестя в монастырь объясняется и сравнительно юный возраст жениха при вступлении в брак. Едва ли Всеволоду-Гавриилу было к моменту свадьбы более 12–13 лет¹⁸.

Впрочем, с другой стороны, была отмечена невозможность

полностью исключить и того, что брак Мстиславича и Святославны был заключен существенно позже 1106 г., а именование Николы-Святоши тестем Всеволода в статье под 1106 г. является своеобразным анахронизмом — летописец знал, что впоследствии Святослав Давыдович сделался тестем Всеволода-Гавриила и потому употребляет этот термин свойства «заранее», вовлекая события, происходящие с черниговским князем, в перспективу новгородской истории¹⁹.

Чем удобны для нас мысли А.Ф. Литвиной и Ф.Б. Успенского, так это тем, что соответствующая логика представлена тут «крупным планом» (в отличие от Т.В. Кругловой, В.Л. Янина и принявших их гипотезу исследователей), а значит и наиболее открыта для целого ряда недоуменных вопросов. И мы, не откладывая в «долгий ящик», сразу же их зададим.

Во-первых, данный участок *НПЛ*, получивший в летописеведении название «Свода Всеволода»²⁰, имеет свою определенную специфику, в рамках которой, например, сообщается о кончине первой жены Мстислава Великого и матери Всеволода Христины и, соответственно, о втором браке отца Всеволода (п. 3 нашей выборки), а также о кончине сына Всеволода Иоанна²¹. То есть такая специфика подразумевает, что в случае кончины в период 1106–1122 годов дочери Николы-Святоши (как жены Всеволода в эти годы) летопись должна была обязательно об этом сообщить. Но почему же этого нет как нет? Во-вторых, сообщение статьи 1123 г. о браке Всеволода (п. 4) не содержит информации о его избраннице. Не означает ли это, что эта информация (по мысли летописца) уже была дана им в статье 1106 г., где сказано, кто есть «тѣсть Всѣволожь»? В-третьих, согласно принятому на Руси «римско-византийскому праву 14 лет считались тем минимальным возрастом, с достижением которого юноша считался физически совершеннолетним, т.е. получал право вступать в брак»²². Так что же в таком случае заставило бы Владимира Мономаха и его сына Мстислава пой-

ти путем нарушения этой нормы при заключении брака их, соответственно, внука и сына Всеволода?

Как видим, эти, а также и некоторые другие недоуменные вопросы²³, просто обязывают нас переадресовать категорию наибольшей вероятности как раз тому истолкованию текста интересующего нас участка *НПЛ*, которому А.Ф. Литвиной и Ф.Б. Успенским была присвоена категория вероятности наименьшей.

Но прежде чем перевести эту «наибольшую вероятность» в новое качество — в разряд доказанных научным образом фактов — мы все-таки проследим до конца «успехи» гипотезы о второбрачии Всеволода Мстиславича.

Итак, сперва — в своем докладе, подготовленном для круглого стола «Споры о новгородском вече. Междисциплинарный диалог» (состоялся в Санкт-Петербурге 20 сентября 2010 г.) — к этой гипотезе присоединился А.А. Гиппиус:

Хотя происхождения невесты в летописи не указано (сказано лишь, что Всеволод женился в Новгороде), такое предположение кажется очень правдоподобным, объясняя избрание Петрилы Микульчича посадником в 1130 г. и последующую приверженность Всеволоду этого боярского клана²⁴.

А вот в ходе состоявшегося обсуждения доклада как дискуссант О.В. Севастьянова, так и сам докладчик почему-то говорили о гипотетическом втором браке Всеволода таким образом, как принято говорить об уже установленном научном факте²⁵. Видимо, и это также сыграло свою роль в том, что в увидевшей свет год спустя книге О.В. Севастьяновой «Древний Новгород» появилось следующее утверждение: «В 1123 г. сын Мстислава Всеволод женился в Новгороде на дочери новгородского боярина, предположительно Петрилы Микульчича»²⁶.

То есть источниковедческий фантом возник и заработал «по нарастающей», а значит, и пора уже его развеять.

Весьма характерно, что оба необходимых нам для этого источниковых свидетельства касаются как раз той ветви рода Рюриковичей, к которой принадлежали Мстислав Владимирович и его потомки.

Первое из них содержится в статье 1070 г. *ПВЛ*:

Родиса оу Всеволода сн̄ь . и нарекоша имене^а Ростиславъ . в се же лѣто заложена бы^б цр̄кы ста^в Михаила . в монастырь^в Всеволожи^в²⁷.

«Традиционно два эти известия связываются между собой и делается вывод о том, что Всеволод Ярославич заложил храм в честь патронального святого своего новорожденного сына. Такое предположение является вполне вероятным, но, разумеется, не бесспорным», — так откомментировали этот фрагмент *ПВЛ* А.Ф. Литвина и Ф.Б. Успенский²⁸. Впрочем, в отличие от случая Всеволода-Гавриила Мстиславича тут исследователи пошли не в русле «небесспорности» и выдвижения альтернативной версии, но присоеди-

нились к традиционному пониманию и подкрепили его соображениями о том, что тогдашнее почитание в княжеском роду предводителя небесного воинства архангела Михаила, уже отразившееся к 1070 г. наречением племянников Всеволода Ярославича: Изяславича — Ярополком-Михаилом и Святославича — Олегом-Михаилом, — давало этому князю основание «использовать имя Михаил для своего сына и поддерживать михайловский культ собственным церковным строительством»²⁹.

Поэтому нам только остается выставить здесь понятную источниковедческую веху: год рождения княжича совпадал с годом основания церкви, посвященной его небесному покровителю.

Свидетельство второе нам дает статья *Киевской летописи*, повествующая о рождении у переезжающего из Новгорода в Смоленск князя Рюрика Ростиславича сына, которое случилось в пятницу Вербной недели 15 марта 1174 года³⁰ в городе Лучине:

родиса оу него сн̄ и нарекоша . и въ ст̄мь кр̄щньи дѣдне има Михаило . а княже Ростиславъ дѣдне же има и бы̄ радость велика ш̄ рожен̄и его . и дасть ему оц̄ь его Лучинь городь . въ нѣмже родиса и поставиша . на томь . мѣстѣ . црквь . стго Михаила . кде са родиль³¹.

Из контекста видно, что данный комментарий летописца является не ретроспективным воспоминанием, но имеет «синхронный» характер, то есть сразу после рождения сына Рюрик Ростиславич объявил лучанам, что их город будет уделом новорожденного княжича и повелел строить на месте его рождения патрональную церковь.

Как видим, оба эти случая, первый из которых связан с дедом Мстислава Великого, а второй — с его внуком, свидетельствуют о том, что основание князем-отцом патрональной церкви для новорожденного княжича совпадало с годом его рождения.

И это — вполне понятно. Ведь в данном случае надо вести речь не об акте ритуальном («в ознаменование») и не об акте мемориальном («в память»), а о духовно-практическом деянии, которое, несколько утрируя, можно уподобить своеобразному «договору» о покровительстве между князем-отцом и небесным патроном новорожденного княжича. И откладывать «заклучение» этого «договора» на 2-й, 3-й или даже 6-й год после его рождения было просто невозможно.

Вот эти факты и соображения позволяют нам считать, что основание Мстиславом Владимировичем в 1103 г. в Новгороде церкви Благовещенья на Городище (п. 1 нашей выборки) было обусловлено тем, что именно в этом году в канун праздника или в самый день Благовещенья появился на свет его старший сын Всеволод³². А, соответственно, основание самим Всеволодом каменной церкви св. Иоанна «въ имя сына своего» в 1127 г. (п. 5 нашей выборки) было обусловлено рождением его сына именно в этом году.

Если теперь мы примем аргументацию А.В. Назаренко в пользу того, что первые браки Владимира Мономаха и его старшего сына Мстислава были заключены соответственно в 1073 и в 1096 гг.³³ и соотнесем с этим заключение брака Всеволода Мстиславича в 1123 г. (п. 4 нашей выборки), то получается, что во всех трех случаях брачующемуся князю было 20 лет³⁴, что может свидетельствовать о соответствующей семейной традиции.

Брак старшего сына (предполагаемого главного наследника) должен был быть максимально выверен политической целесообразностью. В этом смысле наиболее интересующий нас брак Всеволода Мстиславича четко вписывается в широкую «программу лояльности» его отцу Мстиславу, осуществление которой в 1123–1125 гг. должен был провести Владимир Мономах. Главная трудность здесь определялась тем, что после кончины Мономаха старейшиной среди потомков Ярослава Мудрого (то есть старшим по возрасту) становился представитель черниговского дома Ярослав Святославич, который, как минимум, на пять лет был старше Мстислава Владимировича³⁵. Поэтому основным элементом этой «программы лояльности» должен был выступать скрепленный крестоцелованием договор между Мстиславом и Ярославом Святославичем о взаимном признании прав первого на Киев, а второго — на Чернигов³⁶. (И, скорее всего, те же самые аргументы, которые использовал Мономах в 1123 г. для предупреждения возможных притязаний Ярослава на Киев, в 1127/28 г. были использованы как «юридическое» обоснование для изгнания последнего из Чернигова его племянником Всеволодом Ольговичем). Другими же составными элементами этой «программы» должны были стать брачные союзы, укрепляющие отношения Мстислава с черниговскими Ольговичами и Давыдовичами, и даже с полоцким домом³⁷.

Впрочем у нас нет сведений о месяце кончины в 1123 г. черниговского князя Давыда Святославича³⁸ и о месяце заключения брака с его внучкой Всеволода Мстиславича. А это позволяет нам допускать, что замуж она могла быть выдана еще дедом. В таком случае брак старшего сына Мстислава и открывал задуманную Владимиром Мономахом «программу лояльности», призванную обеспечить беспроблемное вокняжение Мстислава в Киеве и стабильность его правления.

Вот, собственно, и все, что является необходимым и достаточным для получения правильных ответов на оба вынесенных в заглавие нашей заметки вопроса.

Что же касается причины того, почему Всеволод Мстиславич основал церковь св. Иоанна «въ имя сына своего» в 1127 г. «на Петрятинѣ дворѣ» (п. 5 нашей выборки), то источниковедческое истолкование ее, как минимум, должно учитывать два варианта.

Вариант 1

Если фигурирующий тут «Петрята» и бывший в 1130–1134 гг. новгородским посадником боярин Петрила Микутьич — одно лицо, то с вероятностью 99,9 % можно полагать, что он был выбран Всеволодом Мстиславичем

на роль кума, то есть стал крестным отцом новорожденного Иоанна Всеволодовича, и основание патрональной церкви у него «на дворѣ» предполагало его активное участие в ее созидании.

Но в этом случае мы должны констатировать, что сообщение статьи 1127 г. об основании церкви «на Петрятинѣ дворѣ» и сообщение статьи 1130 г. об избрании этого боярина посадником («[...] а Петрилу даша посадничасть Новугороду»³⁹) принадлежит разным летописцам, которые по-разному именовали одного и того же человека.

Вариант 2

Вот этого вопроса о двух летописцах не возникает, если фраза «на Петрятинѣ дворѣ» статьи 1127 г. отсылает читателя к топографической реалии тогдашнего Новгорода⁴⁰, связанной с именем человека уже ушедшей эпохи. Как, например, статья 1068 г. *ПВЛ*, повествуя о тогдашнем восстании киевской «чади», говорит о собрании восставших «оу двора Брячиславля» — вблизи двора князя Брячислава Изяславича, скончавшегося в 1044 г.,⁴¹ а статья 1150 г. *Киевской летописи* (кажется впервые в рамках собственно киевского летописания) говорит о «Ярославли дворѣ»⁴², созданном Ярославом Мудрым. Уже сам тот факт, что на «Петрятинѣ дворѣ» можно было построить церковь намекает, что двор этот, вероятно, пустовал, был нежилым, почему и оказался выкуплен князем.

Некоторые основания для такого понимания могут нам давать два списка новгородских посадников из рукописи Археографической комиссии, содержащей список *НПЛ младшего извода*, именуемый *Комиссионным*⁴³.

Первый из них представлен в статье «А се посадници новгородьстии» на л. 16, а второй — в статье 989 г. *НПЛ* на л. 71 об.⁴⁴

Фрагмент первого	Фрагмент второго
А се посадници новгородьстии: Гостомысль, Коснятин, Остромирь, Завидь, сынъ его Дмитръ, <i>Петрята</i> , Коснятинъ, Нинонѣгъ, Сава, Улѣбъ, Гюрята, сынъ его Мирославъ, Микула, сына его два: Петръ, Коснятинъ, Добрына, Коснятинъ Моисъевич, Борисъ, Завидь Дмитриевич, Данило ис Кнева, Иванко Павлович, сын его Судило	А се посадницѣ новгородчъскыи: прѣвыи Гостомысль, Коснятинъ, Остромирь, Завидь, <i>Петрята</i> , Коснятинъ, Миронѣгъ, Сава, Улѣбъ, Гюрята, Микула, Добрыня, Дмитръ, Коснятинъ, Борисъ, Завидь, Данило, <i>Петрята</i> , Иванко, Мирославъ, Коснятинъ, Якунь, Судило

Вопрос о происхождении и взаимоотношении этих списков, их возможном общем источнике, а также о достоверности их информации об именах восьми посадников, помещенных в списке из статьи 989 г. между известными из иных (надежных) источников именами Остромира и Добрыни — отдельный и весьма сложный вопрос⁴⁵. Для нас же в данном случае вполне достаточно того, что эти каталоги действительно могут свидетельствовать о существовании в последней трети XI в. новгородского посадника Петряты, с именем которого и могло быть связано основание и название двора, фигурирующего в статье 1127 г. *НПЛ*.

И тогда поиск причины, обусловившей основание Всеволодом Мстиславичем патрональной церкви на «Петрятинъ дворъ» в рамках варианта 2 может быть сведен к трем следующим случаям.

Случай А

К роду Петряты могли принадлежать братья Микульчичи, в частности они вполне могли быть его внуками, а их отец, соответственно, Микулой Петрятичем. Впрочем, наиболее вероятная причина выбора этой территории Всеволодом аналогична варианту 1: кто-то из братьев, скорее всего старший Петрила, стал крестным отцом новорожденного Иоанна Всеволодовича.

Случай Б

К роду Петряты могли принадлежать теща и жена Всеволода Мстиславича. То есть около 1095 г. во время новгородского княжения Давыда Святославича мог быть заключен брак его сына Святоши с дочерью Петряты — будущей тещей Всеволода⁴⁶. Согласно этой версии, его жена оказывается наполовину новгородкой, что могло сыграть свою роль при выборе Владимиром Мономахом и его сыном Мстиславом невесты для сидящего в Новгороде их внука и сына.

В таком случае и новорожденный Иоанн Всеволодович по материнской линии принадлежал к роду Петряты, что и обусловило создание его патрональной церкви на «Петрятинъ дворъ».

Случай В сводит воедино случаи А и Б: теща Всеволода могла быть родной сестрой Микулы Петрятича и, соответственно, приходилась теткой его сыновьям Петриле и Константину, которые тогда оказываются двоюродными братьями ее дочери — жены Всеволода Мстиславича. В этом случае выбор князем Всеволодом места для создания патрональной церкви «въ имя сына своего» был как бы предопределен.

- 1 Об истории издания соответствующих текстов и, собственно, о самом происшествии с Мстиславом см.: Назаренко А.В. Неизвестный эпизод из жизни Мстислава Великого. *Отечественная история*. 1993, №2, 65–66; Кучкин В.А. Чудо св. Пантелеймона и семейные дела Владимира Мономаха. *Россия в средние века и в новое время. Сб. статей к 70-летию чл.-корр. РАН Л.В. Милова*. М., 1999, 50–51; Назаренко А.В. *Древняя Русь на международных путях*. М., 2001, 585–586.
- 2 Назаренко А.В. Неизвестный эпизод, 69.
- 3 Назаренко А.В. Неизвестный эпизод, 69.
- 4 Поясним, что в дошедших до нас источниках есть информация лишь о рождении в 1132 г. Владимира — самого младшего сына Мстислава (*ПСРЛ* 2: 294).
- 5 Кучкин В.А. Чудо св. Пантелеймона, 69.
- 6 Кучкин В.А. Чудо св. Пантелеймона, 70.
- 7 Назаренко А.В. *Древняя Русь на международных путях*, 607.
- 8 *ПСРЛ* 3: 19, 21.
- 9 Ему здесь посвящена новелла «О преподобнѣмъ Святоши, князи черниговскомъ» (*Киево-Печерский патерик. Вступ. текст, примѣтки*. За ред. Д. Абрамовича. К., 1931, 113–119).
- 10 Шахматов А.А. *Разыскания о древнейших русских летописных сводах [История русского летописания]*, т. 1, кн. 1. СПб., 2002], 140.
- 11 Янин В.Л. *Актовые печати Древней Руси X–XV вв.* Т. 1. М., 1970, 108; Мурьянов М.Ф. Русско-византийские церковные противоречия в конце XI в. *Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. Сборник статей, посвященный Л.В. Черепнину*. М., 1972, 218; Назаренко А.В.

Древняя Русь на международных путях, 489.

- 12 Мы выделяем позицию А.Ф. Литвиной и Ф.Б. Успенского в данном случае потому, что на страницах их книги (*Выбор имени у русских князей в X–XVI вв. Династическая история сквозь призму антропонимики*. М., 2006) позиция эта представлена достаточно противоречиво. Сперва (на с. 123) исследователи, можно сказать, усомнились в том, что основание Благовещенской церкви было связано с рождением Всеволода Мстиславича. Но потом на с. 503 была предложена следующая констатация: «Год рождения Всеволода-Гавриила не известен, однако считается, что эта церковь была возведена в ознаменование появления на свет старшего сына в семье Мстислава Владимировича».
- 13 Назаренко А.В. *Древняя Русь на международных путях*, 489.
- 14 *ПСРЛ* 3: 22–23.
- 15 Янин В.Л. *Новгородские посадники*. Изд. 2-е, перераб. и дополн. М., 2003, 182.
- 16 Круглова Т.В. Из истории княжеских браков в Новгороде XII в. (О семейных связях Всеволода Мстиславича и Святослава Ольговича). *Новгород и Новгородская земля. История и археология. Матер. научн. конф.* Вып. 17. Великий Новгород, 2003, 218–230.
- 17 Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. *Выбор имени у русских князей в X–XVI вв.*, 123, прим. 41.
- 18 Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. *Выбор имени у русских князей в X–XVI вв.*, 123, прим. 41.
- 19 Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. *Выбор имени у русских князей в X–XVI вв.*, 123, прим. 41.
- 20 Лихачев Д.С. *Исследования по древнерусской литературе*. Л., 1986, 166–174; Гиппиус А.А. К истории сложения текста Новгородской первой летописи. *Новгородский исторический сборник*. Вып. 6 (16). СПб., 1997, 40; Гимон Т.В. Как велась новгородская погодная летопись в XII веке? *ДГВЕ 2003. Мнимые реальности в античных и средневековых текстах*. М., 2005, 326–330.
- 21 *ПСРЛ* 3: 22.
- 22 Назаренко А.В. *Древняя Русь на международных путях*, 488. Отметим, что в цитируемой нами работе В.А. Кучкина по данному вопросу содержатся сведения, скажем так, способные вводить в заблуждение современных и будущих исследователей: «Совершеннолетними считались юноши и девушки, достигшие 12 лет. 12–14-летние молодые люди могли вступать в брак...» (Кучкин В.А. Чудо св. Пантелеймона, 59). При этом, касающееся минимально допустимого брачного возраста авторское примечание №44 отсылает читателя к такому источнику: «Кормчая патриарха Иосифа. Изд. журнала «Церковь», л. 408 об., 445».
- В этой связи надо принять во внимание следующее. Минимально допустимый возраст вступления в брак 14 лет для юноши и 12 лет для девушки являлся нормой еще римского частного права (Подпригора О.А. *Римське приватне право. Академічний курс*. К., 2001, 132; *Римское частное право*. Под ред. проф. И.Б. Новицкого и проф. И.С. Петровского. М., 2009, 114). Отсюда эта норма и перешла в право византийское. Правда, в древнерусском тексте византийской *Эклоги законов* (памятника второй четверти VIII в.), изданной в последней книге Я.Н. Шапова, тут фигурирует «мужеве оубо от 15 лѣтъ, женѣ же от 13 лѣтъ» (Шапов Я.Н. *Византийская «Эклога законов» в русской письменной традиции*. СПб., 2011, 18, 67). Однако, для того, чтобы утверждать отличие этой нормы *Эклоги* от нормы римского частного права, нужно изучить, собственно, греческий текст данного фрагмента. Ведь вполне возможно, что речь в нем идет не об исполнившихся 15-ти и 13-ти годах, но о наступлении 15-го и 13-го годов от рождения брачующихся. Такое понимание может подтверждаться нормой следующего после *Эклоги* византийского юридического кодекса — *Прохирина* 879 г., который по данным Я.Н. Шапова и отражен в *Кормчей* патриарха Иосифа: «В славянском переводе Прохирина фигурируют 14 и 12 лет». А соответствующая ссылка на источник: «Кормчая. Напечатана с оригинала патр. Иосифа. М., 1913, л. 408-408 об.» (Шапов Я.Н. *Византийская «Эклога законов» в русской письменной традиции*, 68 и прим. 1).
- 23 Так, например, время заключения брака Мстислава Владимировича и Христины датируется у А.Ф. Литвиной и Ф.Б. Успенского периодом «1095/96 г.» (Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. *Выбор имени у русских князей в X–XVI вв.*, 362). Но это означает, что на момент пострижения в монахи в 1106 г. Святослава Давыдовича (Николы-Святоши) его будущему зятю Всеволоду в рамках предложенного понимания не могло быть более 9–10 лет. Как с этим соотносится заключительный фрагмент предложенной альтернативы: «Возможно, именно близящимся уходом тестя в монастырь объясняется и сравнительно юный возраст жениха при вступлении в брак. Едва ли Всеволоду-Гавриилу было к моменту свадьбы более 12–13 лет» (Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. *Выбор имени у русских князей в X–XVI вв.*, 123).
- 24 Гиппиус А.А. Соперничество городских концов как фактор культурной истории Новгорода XII–XIII вв. *Споры о новгородском вече. Междисциплинарный диалог. Материалы «круглого стола». Европейский университет в Санкт-Петербурге, 20 сентября 2010 г.* СПб., 2012, 132, прим. 31.

- 25 *Споры о новгородском вече*, 143 и 145.
- 26 Севастьянова О.В. *Древний Новгород*. СПб., 2011, 29 (со ссылкой на Т.В. Круглову).
- 27 *ПСРЛ* 1: 174.
- 28 Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. *Выбор имени у русских князей в X–XVI вв.*, 422.
- 29 Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. *Выбор имени у русских князей в X–XVI вв.*, 422.
- 30 Эта точная дата позаимствована нами из работы: Журавель А.В. О возникновении новгородского посадничества. *Сборник Русского исторического общества*. №8 (156). М., 2003, 292.
- 31 *ПСРЛ* 2: 567.
- 32 А если бы Всеволод Мстиславич родился на следующий после Благовещения день, то есть 26 марта, когда церковью отмечался Собор Архангела Гавриила (*Апракос Мстислава Великого*. М., 1983, 262), это было бы явным предуказанием для посвящения патронального храма непосредственно архангелу Гавриилу.
- Что же касается возможных и вполне закономерных вопросов о созидании Мстиславом патрональных церквей для других его сыновей, то в этой связи можно отметить следующее. Свидетельства относительно таковых деяний Мстислава по рождении второго и третьего его сыновей имеют весьма и весьма опосредованный характер.
- Путем анализа целого ряда косвенных данных В.А. Кучкин пришел к выводу о том, что второй сын Мстислава Великого Изяслав-Пантелеймон родился «в первом десятилетии XII века» (Кучкин В.А. Чудо св. Пантелеймона, 70). Теперь же мы можем уточнить, что родится он мог не ранее начала 1104 г.
- Еще одним значимым фрагментом работы А.В. Кучкина является его спор о времени основания в Новгороде монастыря св. Пантелеймона, жалованная грамота которому Изяслава Мстиславича хорошо известна. Полемика относительно нюансов ее содержания и смысла ведется уже давно и охватывает проблемы княжеского землевладения в Новгороде, времени написания грамоты, а также того, была ли она для монастыря учредительной (текст грамоты с обзором полемики вокруг нее см.: Янин В.Л. *Очерки комплексного источниковедения*. М., 1977, 62–77). Определенная новизна позиции В.А. Кучкина по данному вопросу обусловлена следующим его предположением: «Весьма вероятно, что основателем этого монастыря (может быть, первоначально церкви в честь св. Пантелеймона) был сам Мстислав. Но грамота Изяслава Мстиславича свидетельствует о явном внимании этого князя к монастырю, основанному в честь его небесного покровителя» (Кучкин В.А. Чудо св. Пантелеймона, 55).
- Однако с учетом тех фактов, которые были приведены нами выше, а также тех, которые будут приведены ниже, все же гораздо больше вероятность того, что после рождения Изяслава-Пантелеймона его отцом была основана именно церковь св. Пантелеймона, которая впоследствии могла быть использована самим Изяславом для учреждения монастыря.
- Третьим сыном Мстислава был Ростислав-Михаил. Как и в двух предыдущих случаях, мы не имеем прямых источниковых данных ни о времени рождения Ростислава, ни об основании соответствующей патрональной церкви. Однако вот что читается в *НПЛ старшего извода* под 1152 г., «Въ лѣто 6660. Априля 23 загорѣся церкви святого Михаила въ сред Търгу, и много бысть зла; и погорѣ въ Търгъ и двори до ручья, а семо до Славна, и церкви съгоре 8, а 9-я Варязская» (*ПСРЛ* 3: 29). Как видим, эта церковь Архангела Михаила, об основании которой летопись ничего не знает, находилась «въсред Търгу» — в центре новгородского «торговища», то есть на самом престижном его месте. Вот это и позволяет нам предположить о создании этого храма Мстиславом как патронального для его третьего сына.
- Четвертым сыном Мстислава был Святополк, христианское имя которого до сих пор было неизвестным. В то же время относительно его княжеского имени А.Ф. Литвиной и Ф.Б. Успенским было высказано абсолютно рациональное предположение, согласно которому он его получил «в честь Святополка-Михаила Изяславича», бывшего «великим князем киевским с 1093 по 1113 г. (Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. *Выбор имени у русских князей в X–XVI вв.*, 27). Добавить к этому нужно лишь вот что: тот факт, что приоритетное «великокняжеское» имя получил не третий, а четвертый сын Мстислава, явно свидетельствует о том, что такое имянаречение можно было осуществить только после кончины Святополка, последовавшей 16 апреля 1113 г. (*ПСРЛ* 2: 275).
- Интересно, что гораздо более информативной в данном случае для нас оказывается не статья 1113 г. *НПЛ* («Томъ же лѣтъ прѣстависа Святопѣлкъ, а Володимирь сѣдѣ на столѣ Киевѣ. [...] Въ то же лѣто заложена бысть церкви Новгородѣ святого Николы» (*ПСРЛ* 3: 20)), но статья этого года *ПВЛ*. Ибо здесь сообщение об основании Никольской церкви дано не только после датированных событий сентября, то есть отнесено к окончанию текущего года, но и содержит важные подробности: «В се же лѣто Мъстиславъ . заложил цркъвь каману сѣго Николы на княжѣ дворѣ оу торговища Новѣгородѣ» (*ПСРЛ* 2: 276–277).

- Все эти факты позволяют нам считать, что четвертый сын Мстислава родился около дня памяти святителя Николая 6 декабря 1113 г. и, естественно, получил соответствующее христианское имя.
- 33 Назаренко А.В. *Древняя Русь на международных путях*, 524, 607.
- 34 Владимир Мономах родился в 1053 г., а его сын Мстислав в 1076 г. (*ПСРЛ* 2: 149, 190).
- 35 Обоснование наиболее вероятного времени рождения Ярослава Святославича во второй половине 1071 г. см.: Назаренко А.В. *Древняя Русь на международных путях*, 518–519.
- 36 О существовании такого договора свидетельствует статья 1128 г. *Киевской летописи*, повествующая о том, как изгнанный из Чернигова своим племянником Всеволодом Ольговичем Ярослав Святославич прибыл в Киев и напомнил Мстиславу об обязательствах, скрепленных взаимным крестоцелованием (*ПСРЛ* 2: 290–291). Отметим, что в *Лаврентьевской* летописной группе эти события датированы 1127-м годом (*ПСРЛ* 1: 296–297).
- 37 Тот факт, что самый влиятельный из Ольговичей Всеволод был женат (по-видимому, вторым браком) на дочери Мстислава вытекает из летописной статьи 1141 г. (*ПСРЛ* 1: 309; *ПСРЛ* 2: 309), сообщающей, что жена Всеволода решает вопрос о новгородском княжении для своего брата Святополка Мстиславича. Подобным образом факт брака полоцкого князя Брячислава Давыдовича с другой дочерью Мстислава вытекает из летописной статьи 1127/28 гг. (*ПСРЛ* 1: 298; *ПСРЛ* 2: 292), где сообщается, что сын Мстислава Изяслав является шурином Брячислава. Впрочем реальная подоплека этих двух браков могла иметь свою «обратную сторону». Так, можно допустить, что брак Всеволода Ольговича, заключенный предположительно в 1124–1126 гг., в планах последнего должен был «нейтрализовать» обязательства Мстислава Великого перед Ярославом Святославичем, и это тоже сработало при захвате Ольговичем Чернигова. Аналогичная ситуация и с браком Брячислава Давыдовича: он и его отец могли предполагать, что Мстислав может «не заметить» какие-то посягательства (например, в виде сбора дани на чужих территориях) со стороны своего зятя.
- 38 *ПСРЛ* 1: 293.
- 39 *ПСРЛ* 3: 22.
- 40 Собственно, именно так и трактует наш случай *Словарь древнерусского языка XI–XIV вв.* (Т. 2, М., 1989, s.v. «дворь»), 449).
- 41 *ПСРЛ* 1: 155, 171.
- 42 *ПСРЛ* 2: 416.
- 43 *ПСРЛ* 3: 464.
- 44 *ПСРЛ* 3: 164, 471–472.
- 45 По мнению В.Л. Янина, оба эти списка отражают информацию какого-то недошедшего до нас летописного источника. А тот факт, что список посадников летописной статьи 989 г. заканчивается на имени Тимофея Васильевича, избранного в 1416 г., в то время, как в списке на лл. 16–16 об. после него идут еще 14 имен, позволил В.Л. Янину считать, что именно «статейный» список является первым изводом списка новгородских посадников (Янин В.Л. *Новгородские посадники*. М., 1962, 15–16, 21, 27, 54–55; см. также: Янин В.Л. К вопросу о роли Синодального списка Новгородской I летописи в русском летописании XV в. *Летописи и хроники. 1980 г.*: В.Н. Татищев и изучение русского летописания. М., 1981, 158–159).
- Отметим в этой связи следующее. Во-первых, в случае независимого восхождения этих двух списков (точнее говоря, их древней части, относящейся к XI — началу XII вв.) к одному источнику сам факт «продолжения» имен в одном из них, строго говоря, еще не означает, что древняя часть списка более правильна в более раннем изводе. Во-вторых, для того, чтобы предложенное В.Л. Яниным понимание обрело определенную завершенность, нужно, как минимум, дать удовлетворительную источниковедческую интерпретацию разночтений в именах восьмого посадника («Нинонѣгъ» — «Миронѣгъ») и старшего Микутьича («Петръ» — «Петрята»), то есть объяснить их возникновение.
- 46 О новгородском княжении в 1095 г. Давыда Святославича сообщает статья 6603 *ПВЛ*: «сего же лѣта . исходаща иде Дѣвль Стославичъ из Новагорода Смолиньску» (*ПСРЛ* 1: 229). Поскольку 6603 мартовский год протекал с 1 марта 1095 по 29 февраля 1096 г., то, надо полагать, что Давыд покинул Новгород в феврале 1096 г.